

УДК: 392.5(571.63)

Заключение брака у русских старообрядцев на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — первая треть XX в.)

Юлия Викторовна Аргудяева,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: argudiaeva@mail.ru

В статье исследуются проблемы заключения брака в крестьянской среде России и особенности образования семьи у русских старообрядцев южной части Дальнего Востока во второй половине XIX — первой трети XX в. Установлено, что в этот период юг Дальнего Востока испытывал дефицит невест. Изначально это было связано с миграционной политикой правительства, которое для успешного развития хлебопашества стремилось отправить в сложный по природно-экологическим условиям регион семьи с преобладающим числом мужчин-работников. Старообрядцы рано вступали в супружеские отношения. Существовали различные формы брака: у беспоповцев преобладали браки невенчаные, у старообрядцев-поповцев бытовало церковное венчание в старообрядческих храмах, изредка у «семейских» старообрядцев имели место браки *убёгом*, *крадче*. Большинство союзов заключалось в пределах своего *толка* или *согласия*, но при дефиците невест и характерном для Дальнего Востока дисперсном расселении старообрядцев нередко были браки с партнёром другой конфессиональной ориентации при обязательном переходе в старообрядчество. Это расширяло брачные и хозяйственные связи и способствовало скорейшей адаптации крестьян к местным природно-экологическим, экономическим и демографическим условиям. Повторные браки заключались редко, разводы не приветствовались. При превалировании в старообрядческой среде социально и этнически гомогенных браков было немало семей со сложным региональным и этническим (русские, украинцы, белорусы, поляки, удэгейцы и др.) составом. Это лишний раз указывало на то, что национальная принадлежность супруга не играла для старообрядцев существенной роли, для них важнее была принадлежность к древлеправославной вере.

Ключевые слова: русские, юг Дальнего Востока России, старообрядцы-поповцы, старообрядцы-беспоповцы, демографическое поведение, брачные традиции, адаптация.

Registration of marriage among Russian Old Believers in the South of the Far East of Russia (the second half of the nineteenth century – the first third of the twentieth century).

Yuliya Argudiaeva, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEBRAS, Vladivostok, Russia. E-mail: argudiaeva@mail.ru.

The article examines the issues of marriage in peasant environment in Russia and the peculiarities of family formation among Russian Old Believers in the south part of the Far East of Russia in the second half of the nineteenth century – the first third of the twentieth century. It is found out that the south of the Far East experienced shortage of brides during this period. Initially, it was connected with the migration policy of the government which sought to send to the region with difficult nature and ecological conditions families with predominant number of male workers in order for the successful development of arable farming. The Old Believers started marital relations early. There were different forms of marriage: the unwed marriage dominated among the Bezpopovtsy; the church wedding in the Old Believer churches was among the Popovtsy; “Semeyskiye” Old Believers rarely had marriages *ubegom, kradche*. The most of marriages were made within their agreement; however, due to the deficit of brides and disperse settlement of the Old Believers, there were often marriages with the partner from another confession with obligatory conversion to Old Belief. This expanded marital and household relations and favoured quicker adaptation of peasants to the local nature and ecological, economic, and demographic conditions. Remarriage happened seldom, divorce was not welcomed. Although the dominance of socially and ethnically homogeneous marriages was evident, there were many families with complicated regional and ethnic composition (Russians, Ukrainians, Belorussians, Poles, Udegei). It showed once again that national identity of the spouse didn't play important role for the Old Believers; the Old Orthodox confession was more crucial.

Keywords: Russians, Old Believers; the south of the Far East of Russia, Popovtsy, Bezpopovtsy, demographic behavior; marriage traditions, adaptation.

В настоящее время старообрядчество существует как устойчивая к кардинальным изменениям, преимущественно русская культура, хорошо сохранившая народные и православные традиции не только на «материнской» российской территории, но и на юге Дальневосточного региона (Амурская и Приморская области), куда старообрядцы интенсивно переселялись во второй половине XIX — первой трети XX в.

Формирование в Амурской и Приморской областях историко-этнографической и конфессиональной группы русских старообрядцев неразрывно связано с переселением в этот регион во второй половине XIX — первой трети XX в. как групп русских, официально признававших православие, так и иных восточнославянских народов (белорусы, украинцы). Это были представители практически всех центральных и южных губерний и областей

России: регионов Поволжья, Урала, Сибири, Алтая, Забайкалья, а также зарубежья (Австрия, Болгария, Румыния). В Дальневосточном регионе старообрядцы, сохранив некоторые черты северно- и южнорусских традиций, в процессе взаимодействия с аборигенными и другими пришлыми — как восточнославянскими, так и восточноазиатскими (китайцами и корейцами) народами — приобрели определённые элементы местного комплекса русской культуры.

Для дальневосточных старообрядцев была характерна неоднородность внутренней вероисповедной структуры, в которую входили: Белокрыницкая, или австрийская, иерархия (поповщина), беглопоповская и беспоповская ветви «древлеправославного старообрядчества». Два основных направления — поповщина и беспоповщина — делились на толки (разновидности религиозного учения) и более мелкие его подразделения — согласия, — которые объединяли верующих, придерживающихся той или иной разновидности «древлеправославной» обрядовой практики. Переходным между поповщиной и беспоповщиной было часовенное согласие (стариковщина), группа последователей которой была наиболее многочисленна в Приамурье и Приморье. Здесь их называли беспоповцами, представлявшими основную массу сельского старообрядческого населения, брачно-семейные отношения которого складывались в условиях сложной демографической ситуации¹.

Цель статьи — охарактеризовать брачные традиции в крестьянской среде России и особенности этого процесса и демографической ситуации у русских старообрядцев, прибывших на Дальний Восток из разных российских регионов и некоторых европейских государств.

Известно, что основным условием создания традиционной семьи является наличие двух брачных партнёров. Анализ архивных и полевых материалов позволил прийти к выводу, что демографическая ситуация и демографическое поведение² в осваиваемом Дальневосточном регионе выступали как составляющие адаптационного процесса, успешное развитие которого зависело от соотношения мужчин и женщин, доли лиц фертильного возраста³. Однако, согласно исследованиям, на Дальнем Востоке возрастнополовая структура населения в конце XIX — первой трети XX в. оказалась разбалансированной: в регионе наблюдался дефицит женщин. Эта проблема, возникшая сразу же после присоединения к России Приамурья и Приморья, была настолько сложна, что даже обсуждалась на уровне генерал-губернатора Восточной Сибири и губернаторов дальневосточных

¹ Демографическая ситуация — это динамика численности, половозрастной структуры населения и демографических процессов (миграции, брачности, разводимости и смертности), протекающих на данной территории (страна, регион, поселение) в определённое время.

² Демографическое поведение — система взаимосвязанных действий, поступков и отношений индивида, семьи, малой группы; такая сторона деятельности, которая непосредственно ведёт к сохранению или изменению их демографического статуса.

³ Фертильность — способность половозрастного организма производить жизнеспособное потомство.

регионов. Например, в отчёте военного губернатора Приморской области за 1882—1883 гг. отмечалось, что женского населения в области почти в 3 раза меньше мужского [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 99. Л. 95].

Дефицит женщин в этот период был характерен для всех групп крестьян Приморской и Амурской областей. Его обуславливал ряд причин. Правительство, рассчитывая на развитие хлебопашества, стремилось отправить на восток страны семьи, в которых преобладали мужчины-работники. Да и многие семьи решались на переселение обычно в тех случаях, когда в них было больше мужчин. Сыновья не только обеспечивали хозяйство рабочей силой, но и сильнее привязывались к нему, чем дочери, которые, вступив в брак, оставляли семью. К тому же специфические природные условия Дальневосточного региона (необходимость раскорчёвки тайги, распашка целинных земель и др.) требовали привлечения значительного числа мужчин. Бесспорно, в условиях освоения нетронутой дикой дальневосточной природы постоянно требовалось применение тяжёлого физического мужского труда. Однако традиционное разделение крестьянских работ не могло обойтись и без женских рук. Без жены крестьянин не мог завести самостоятельное хозяйство. Не улучшилась демографическая ситуация и в последующие годы.

Сложная демографическая ситуация в Приамурье и Приморье обусловила и своеобразное демографическое поведение. Его основными параметрами, помимо миграционного⁴, являлись брачное⁵, репродуктивное⁶ и витальное⁷ поведение.

Брачное поведение дальневосточного крестьянства, как и восточнославянского крестьянина XIX — первой трети XX в. основной, материнской территории расселения, определялось его взглядами на брак, семью, детей [11, с. 83]. Взгляды эти отражали не только этические нормы и нормы обычного права, но и ряд социально-экономических факторов: невозможность существования крестьянского хозяйства вне семьи и без разделения труда по признаку пола; отрицательное отношение к холостой жизни; ценностные ориентации юношей и девушек на брак и детей в браке; необеспеченность общиной и государством старости родителей; религиозный характер норм крестьянского поведения; отношения правового, экономического, этнокультурного характера и др.

Менталитет дальневосточного крестьянина в вопросах брака практически не отличался от воззрений российского сельского жителя. Он скла-

⁴ Миграционное поведение — вид социального поведения, включающий определённые действия и поступки, связанные с пространственными перемещениями населения (деятельность по подготовке перемещений и отказ от таковых, сам миграционный акт (реальное поведение), а также деятельность в процессе приживаемости).

⁵ Брачное (матримониальное) поведение — поведение людей в связи с заключением и прекращением брака.

⁶ Репродуктивное поведение — система действий и отношений, направленных на рождение или отказ от рождения ребёнка в браке или вне брака.

⁷ Витальное (самосохранительное) поведение — поведение людей, направленное на сознательное или неосознанное сохранение здоровья и жизни или, наоборот, на их разрушение.

дывался веками и проявился на Дальнем Востоке вместе с другими традициями крестьянской жизни, связанными с хозяйственно-бытовым укладом, материальной и духовной культурой. Известна тесная связь между социально-экономическими особенностями тех или иных регионов и характером установок на брак, семью, брачное поведение. Традиционные нормы такого поведения всегда согласованы с условиями крестьянской жизни и составляют неотъемлемую часть ценностных ориентаций, регламентирующих все стороны поведения российского крестьянина и значительной части других сословий [1, с. 105].

Если суммировать взгляды восточнославянских, в т.ч. и дальневосточных крестьян, относящиеся к брачному поведению, то в самом общем виде можно отметить следующее: брак и дети в браке — святое дело; православный человек должен иметь и семью, и детей. Холостое состояние — безнравственно. Брак, по понятию крестьянина, главное условие порядочности человека, его материального благосостояния и общественного признания. В России неженатый крестьянин, как правило, не мог получить земельный надел. Молодая крестьянка, по сложившимся традициям и своему мироощущению, также не представляла себя вне своей собственной семьи и девичеству всегда предпочитала замужество. Не менее важно было и то, что крестьянское хозяйство могло нормально функционировать только при наличии в нём женских и мужских рук, т.к. оно основывалось на половозрастном разделении труда. Расторжение брака невозможно, однако в случае смерти мужа или жены, если хозяйство вести трудно, второй брак желателен и полезен. К третьему браку относились с предубеждением. В совокупности эти взгляды образовали социально-психологическую модель брачного поведения крестьянства, которое имело такие основные составляющие, как брак, развод, вдовство, повторные браки, рождаемость и др.

В целом в крестьянской среде России в конце XIX — первой трети XX в. в брак вступали в довольно раннем возрасте: девушка с 15—16 лет и парень с 18 лет. За стремлением женить парня, как только он достигнет совершеннолетия, обычно скрывалось желание его родителей иметь в семье дополнительные рабочие руки невестки. Соотношение возрастов юноши и девушки было различным. Преобладали браки ровесников или такие, где жених был старше невесты на 1—3 года, иногда и на 6—8 лет. Но встречались и браки, в которых женщины были старше своих мужей. Чаще всего это объяснялось тем, что семья девушки удерживала её, особенно в случае отсутствия сыновей. Лишние рабочие руки всегда ценились, а работы в крестьянском хозяйстве всегда было много. Однако иногда экономические соображения перекрывались другими — боялись, что невеста в «девках засидится», и ещё больше, что «девка до брака согрешит». Это не только обесчестит семью, но сделает невозможным её выход замуж в своей этнической и конфессиональной среде. В некоторых районах Приморья такая девушка могла создать семью только с китайцем. Но главное: ранние браки были истари приняты в сельскохозяйственных регионах России (поздние — в промысловых) и являлись элементом обычного семейного права.

Брачное поведение восточнославянского крестьянства на Дальнем Востоке в целом не отличалось от аналогичного поведения крестьян Европейской России, Сибири, Забайкалья, однако имело целый ряд особенностей, обусловленных спецификой социально-экономического и демографического развития Дальневосточного региона и конфессионального состава населения. В частности, дефицит женщин на юге Дальнего Востока в конце XIX — начале XX в. определял и демографическое поведение мужчин: они брали в жёны не только девушек, но и всех вдов с детьми, даже пожилых. Хроническая нехватка невест приводила к тому, что крестьяне стремились женить своих сыновей и выдать замуж дочерей как можно раньше. В противном случае шансы на создание собственной семьи и хозяйства падали.

Таким образом, неординарная ситуация с невестами в новых районах освоения на востоке страны оказывала существенное влияние на условия образования крестьянских семей и создание здесь своего демографического потенциала.

Представители старообрядчества в своём брачном поведении в определённой степени отличались от остальной массы крестьянства, хотя основные направления общепринятых брачных норм выдерживались чётко.

Вплоть до начала XX в. браки заключались исключительно по выбору родителей. В некоторых случаях невеста встречалась с женихом только на свадьбе, в лучшем — во время сватовства. Поэтому помимо общераспространённой формы брака, заключаемого при помощи «открытого сватовства», встречались в редких случаях и браки «убёгом», характерные для старообрядцев-«семейских»⁸. Такой брак, обычно основанный на взаимной склонности молодых людей, их стремлении создать свою семью, часто не приветствовался родителями девушки. Жених «воровал» невесту, пряча её у знакомых или в родительском доме, а затем, спустя некоторое время, молодые отпраплялись к родителям невесты вымаливать прощение и благословение на брак.

У старообрядцев-беспоповцев браки при родительском благословении оформлял в молельне наставник. Старообрядцев-поповцев венчали в церкви священники или беглые попы. Однако в условиях жёсткого прессинга со стороны официальной церкви священников явно не хватало. Семейные пары жили невенчанными по нескольку лет. Особенно это было характерно для отдалённых восточных регионов России. И, хотя правительство относилось в целом терпимо к старообрядческим бракам, они не считались законными, а «...происшедшие от таких союзов дети не признавались законнорождёнными и не получали никаких прав по происхождению и имуществу» [ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 485. Карт. 2052. Л. 1—2]. Чтобы узаконить свой брак, старообрядцы-поповцы венчались в официальной церкви и давали подписку о присоединении к ней, или переходили в единоверие.

⁸ «Семейские» — старообрядцы Забайкалья, переселённые в этот регион в XVIII в. из Ветки (Могилёвщина) и Стародубья (Черниговщина), куда они ушли из центральной России после раскола в Русской православной церкви. Среди них преобладали беглопоповцы, но были поповцы и беспоповцы. Они первыми из старообрядцев переселились сначала в Амурскую область, а оттуда — на юг Приморской области.

Подписка, как правило, не выполнялась. Это приводило к преследованию со стороны светских и духовных властей. И только Указ 1874 г. признал законность старообрядческих браков и законнорождённости детей от этих браков, при условии их записи полицией в особые метрические книги при волостных правлениях. Причём записи в эти книги не являлись введением для раскольников гражданского брака, они означали лишь «...основание и существо брачного союза между мужем и женой» [ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 485. Карт. 2052. Л. 2-об.]. Не признавались законными и духовные обряды, сопутствующие заключению брачных союзов. И всё же принятие Указа 1874 г. стало прорывом в семейной политике государства по отношению к своим гражданам различной религиозной ориентации.

Однако метрические записи старообрядцы, особенно беспоповцы, не признавали. И хотя браки в гражданском отношении считались действительными, юридическая проблема оставалась нерешённой вплоть до принятия Закона о свободе вероисповедания 1906 г.

Основные направления брачного поведения дальневосточных старообрядцев, за исключением крайних толков, были аналогичны брачным установкам остального крестьянства: превалирование в менталитете ценности брака и семьи, значительная роль мотивов экономического характера при заключении браков (возможность получить рабочие руки, породниться с зажиточными соседями и этим упрочить своё положение и т.п.). Однако у старообрядцев более строго соблюдались брачные запреты на вступление в брак с кровнородственниками до определённого колена родства и с духовными родственниками, т.е. с крёстными и их детьми, и др.

Все эти обстоятельства и обусловили довольно сложную брачную ситуацию для старообрядцев, при которой они женили своих сыновей в довольно раннем возрасте (часто жених был гораздо моложе своей невесты). Отметим, что возрастное соотношение, когда жена старше мужа на 5—7 лет, мы чаще встречали в брачных союзах, заключённых ещё за пределами Дальнего Востока, у старообрядцев первой миграционной волны. В этом видны не только хозяйственная и моральная необходимость крестьянина завести семью, но и расчёт — желание получить опытную хозяйку [ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 86. Св. 1657. Разд. 8. Л. 5,23; НАРБ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 736. Л. 7; НАРБ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 13. Л. 30]. Среди брачных союзов, возникших на Дальнем Востоке, практически не встречалось таких, в которых муж был младше жены.

У староверов брачная ситуация усложнялась и тем, что выбор жениха и невесты регламентировался принадлежностью брачного партнёра к определённому толку или согласию. Поэтому и старообрядцы-поповцы, и старообрядцы-беспоповцы стремились подбирать брачные пары и регламентировать заключение брака согласно своему конфессиональному статусу. В условиях дефицита женщин в дальневосточном регионе, дисперсного расселения старообрядцев, их хозяйственно-соседских связей с новосёлами, они заключали брачные союзы и с приверженцами официального православия из числа украинцев, поляков, белорусов, реже — аборигенных народов. Чаще это было распространено в малолюдных таёжных

районах, заселённых беспоповцами, где православных приходов было мало и влияние православного духовенства невелико. Здесь нередки были случаи женитьбы мужчин — приверженцев официального православия на старообрядках, которых выдавали замуж лишь в случаях принятия жёнами старообрядчества. Так женился на старообрядке из таёжной дер. Каменки Чугуевской волости Южно-Уссурийского края, Сотниковой Устинье Исаковне, поляк Иван Журавский, житель соседней дер. Уборка Чугуевской волости [8]. Украинец Гульков Спиридон Филиппович, живший в дер. Каменке Чугуевской волости в работниках у старообрядца Григория Красилова, тоже взял в жёны старообрядку — Ефросинью Григорьевну Красилову. Он не только принял старообрядчество, но и взял фамилию своего тестя Красилова [9].

На Дальнем Востоке браки старообрядцев с православными не были редкостью. В условиях постоянного дефицита невест некоторые старообрядцы даже принимали православие, но только чтобы получить разрешение вступить в брак с девушкой из православных. Духовная консистория и представители официальной власти считали смешанные браки между приверженцами официального православия и старообрядцами «незаконными» [10, с. 63]. Они рассматривали такие брачные союзы не только как средство пропаганды старообрядцами своего учения, но и как «сворачивание» православных в раскол. Люди, вступившие в такой брак, признавались виновными и подлежащими наказанию. Законным и признанным в обществе мог быть только такой брак, в котором супруг-старообрядец давал подписку о присоединении к православию. Однако практика показывала, что такая подписка не выполнялась. Через некоторое время оба супруга переходили в старообрядчество.

Для заключения подобных браков молодожёны прибегали к некоторым уловкам. Так, например, в одном из первых старообрядческих селений на р. Амур — с. Петропавловке Софийского округа Приморской области в 1871 г. состоялось бракосочетание забайкальского крестьянина Ивана Владимирцева и местной старообрядки Марфы Черепановой. Поскольку Иван был православным, то брак венчался в православной церкви. Священник потребовал от Ивана подписку о том, что он не перейдёт в раскол, и что будущих своих детей он будет крестить в православной церкви. Однако родившихся детей Владимирцев в церкви не крестил и сам перешёл в старообрядчество [РГИА ДВ. Ф. 1. Отдел 1. Стол 2. Д. 337. Л. 1—2, 5]. К таким же уловкам прибегали и мужчины-старообрядцы.

Лишь с принятием в 1906 г. Закона о свободе вероисповедания ситуация несколько облегчилась. Теперь супругам разрешалось по желанию оставаться приверженцем своей веры или переходить в веру своего супруга.

На рост доли конфессионально смешанных браков влияло также дисперсное расселение самих старообрядцев, их сложный конфессиональный состав. В Дальневосточный регион, как уже отмечалось, стекались представители самых разных толков и согласий старообрядчества. Договориться между собой им было сложнее, чем с представителями официального православия. Нельзя исключать и хозяйственно-соседские связи

старообрядцев и новосёлов-православных. По свидетельству последних, старообрядцы помогали им обустроиваться на новом месте не только материально, но и добрым советом. Последнее было особенно важно для переселенцев-украинцев, совершенно не знавших местных условий и боявшихся тайги. Такие хозяйственные контакты также приводили к заключению браков. К примеру, старообрядец Никита Васильевич Мартюшев, живший в таёжной дер. Варпаховке Чугуевской волости Южно-Уссурийского края, взял в жёны украинку Пелагею Ивановну (фамилия неизвестна — прим. Ю.А.) из соседней деревни. Девушка, прежде чем выйти замуж за Никиту, приняла старообрядчество. Родственники Никиты вспоминают, что Пелагея была известной песенницей на всех свадьбах [5]. Возможно, в данном случае хозяйственные интересы переплелись с демографическими.

Таким образом, взаимные хозяйственные установки, сложная демографическая ситуация как у старообрядцев, так и у приверженцев официального православия были причинами создания многих конфессионально-смешанных семей прежде всего в таёжных регионах Дальнего Востока, населённых преимущественно старообрядцами-беспоповцами. К тому же в таких малозаселённых районах на первых этапах их освоения православных приходов было мало, территория, которую обслуживал один священник, обширная, и вовремя выполнить все духовные требы не представлялось возможным. Поэтому представители ортодоксального православия сами пользовались услугами старообрядческих уставщиков-беспоповцев, оформлявших браки без венчания, только по родительскому благословию.

Следует отметить, что конфессионально-смешанные браки заключались и в густонаселённых, и сравнительно освоенных дальневосточных районах, в деревнях, где вместе селились старообрядцы и православные, но здесь ситуация была сложнее, т.к. православные приходы и священники старались не допустить заключение таких браков.

Смешанные, т.н. незаконные, браки между православными и старообрядцами перестали быть предметом острых обсуждений, как уже отмечалось, лишь после принятия в 1906 г. Закона о свободе вероисповедания. Теперь супругам разрешалось по желанию оставаться приверженцем своей веры или переходить в веру своего супруга. Правда, это решение касалось только совершеннолетних новобрачных. Взятие в жёны несовершеннолетней девицы иной религиозной ориентации рассматривалось уже как её соращение в раскол. Именно так получилось в 1913 г. с Надеждой Плотниковой, казачкой ст. Гродековской Уссурийского казачьего войска. Будучи православной, она вступила в брак с казаком-старообрядцем Егором Ефимовым и подала прошение о переходе из православия в старообрядчество. Несмотря на то, что молодые были уже повенчаны, ей, ссылаясь на её несовершеннолетие, отказали [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Отдел 1. Стол 2. Д. 2329. Л. 140].

Таким образом, в конце XIX — первой трети XX в. конфессионально-смешанные браки между старообрядцами и приверженцами официального православия в Дальневосточном регионе были не так уж редки. Основная

причина — особая демографическая ситуация, которая осложняла традиционные установки на брак. Сказывались здесь и особенности ведения крестьянского хозяйства, базировавшегося на половозрастном разделении труда. Такие браки вызывали вполне понятное беспокойство духовной власти, т.к. в брачном союзе практически всегда православный супруг переходил в раскол, а это, по мнению консистории, усиливало влияние старообрядчества. Более лояльно относились к смешанным бракам светские власти, заинтересованные в быстром освоении края крепкими хозяевами, к числу которых они относили старообрядцев.

Превалировали браки с представителями своей сословной группы, сдержанное поведение молодёжи в предбрачное время, осуждение односельчанами близких добрых отношений.

Во второй половине XIX — первой трети XX в. брачный выбор осуществлялся по воле родителей, с учётом общественного мнения; склонность молодёжи обычно не учитывалась.

Общепринятые в России нормы вступления в брак — девушки в 16 лет и юноши в 18 лет — на Дальнем Востоке нарушались в сторону более ранней брачности девушек (с 14—15,5 лет) обычно со старшим по возрасту женихом, а иногда с ровесником. Так, старообрядец из семейских Поликарп Голендухин, живший в Амурской области, женился в 30 лет на 15-летней девушке [3]. По воспоминаниям А.М. Сорокиной, её отец М.Е. Поздеев женился в возрасте 26 лет на 16-летней Федосье Гостевских [7]. Также характерны браки, в которых оба молодожёна были в довольно молодом возрасте. Так, у У.Н. Басаргина, 1903 года рождения, в 1920 г., т.е. в возрасте 17 лет, уже родился первый сын [2]. Чаще всего более юными вступали в брак девушки. Мать А.Д. Проценко, Анну Казанцеву, выдали замуж в 1914 г в возрасте 15 лет. Она попала в хорошую семью, свекровь её жалела, старалась не загружать работой, отпускала на праздники гулять [6]. Бабушку Е.С. Юренок по отцовской линии отдали замуж в 14 лет: «Она придёт домой, в шашмуру (головной убор замужней женщины) кукол посадит и возит: играет» [9]. Женился на 14-летней девушке, ещё игравшей в куклы, Михаил Ревтов [4].

На заключение брака влияли и другие общеславянские традиции. У старообрядцев они были более строгими, чем у остального крестьянского населения. Им, в отличие от православных крестьян, которым разрешалось выбирать брачного партнёра при 5 степенях кровного родства, запрещалось входить в союз с кровными родственниками по прямой линии до 8-го колена и по боковой — до 4-го и с духовными родственниками, т.е. с крёстными и их детьми. Этих традиций придерживаются старообрядцы и в настоящее время. Не так строго соблюдался обычай вступления в брак взрослых детей по старшинству.

Особым было отношение общества к повторным бракам и разводам. Разводы считались «грехом» и практически не имели места. Повторные браки обычно встречались у вдовых людей, и крестьянское самосознание признавало законность таких браков. Народная мораль признавала приемлемыми вторые браки мужчин и женщин фертильного возраста, имевших

много малолетних детей, требовавших содержания и воспитания. Браки, заключённые в третий раз и в возрасте старше 60 лет, порицались.

Таким образом установлено, что на протяжении всего рассматриваемого периода на юге Дальнего Востока, в условиях дефицита невест, для старообрядцев были характерны ранние браки. Существовали различные формы семейного союза: у беспоповцев преобладали браки невенчанные, бытовало церковное венчание в старообрядческих храмах, изредка у «семейских» старообрядцев имели место браки убёгом, крадче. Семейные союзы заключались исключительно по выбору родителей. Повторные браки оформлялись редко, разводов практически не было. Анализ ареала брачных контактов старообрядцев показывает, что большинство союзов заключалось в пределах своего толка или согласия, но при дефиците невест и характерном для Дальнего Востока дисперсном расселении старообрядцев нередко были браки с партнёром другой конфессиональной ориентации. Это расширяло брачные и хозяйственные связи и способствовало скорейшей адаптации крестьян к местным природно-экологическим, экономическим и демографическим условиям. Там же, где староверы расселялись компактно, женихов и невест предпочитали брать из ближайшего окружения. В то же время при превалировании в старообрядческой среде социально и этнически гомогенных браков, встречалось немало семей со сложным региональным и этническим (русские, украинцы, белорусы, поляки, удэгейцы и др.) составом. Этот факт указывает, что национальная принадлежность супруга не играла для старообрядцев существенной роли, важнее была принадлежность к древлеправославной вере.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М.: Статистика, 1977. С. 105—134.
2. Информация Н.У. Басаргина, пос. Кавалерово Кавалеровского р-на Приморского края // Полевые материалы автора.
3. Информация А.Е. Григорьевой, пос. Кавалерово Кавалеровского р-на Приморского края // Полевые материалы автора.
4. Информация Ф.С. Малахова, пос. Кавалерово Кавалеровского р-на Приморского края // Полевые материалы автора.
5. Информация П.Г. Мартюшева, г. Владивосток; проживает в штате Орегон, США // Полевые материалы автора.
6. Информация А.Д. Проценко, пос. Кавалерово Кавалеровского р-на Приморского края // Полевые материалы автора.
7. Информация А.М. Сорокиной, пос. Горнореченск. Кавалеровского р-на Приморского края // Полевые материалы автора.
8. Информация А.П. Сотниковой, пос. Кавалерово Кавалеровского р-на Приморского края // Полевые материалы автора.
9. Информация Е.С. Юренок, пос. Нижние Лужки Чугуевского р-на Приморского края // Полевые материалы автора.

10. Лобанов В.Ф. «Незаконные» браки у старообрядцев Дальнего Востока (вторая половина XIX — начало XX в.) // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток: Дальнаука, 1997. С. 62—71.
11. Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М.: Статистика, 1977. С. 83—104.
12. ГАИО (Гос. арх. Иркутской области).
13. НАРБ (Национальный арх. республики Бурятии).
14. РГИА ДВ (Российский гос. исторический арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Vishnevskij A.G. Rannie etapy stanovleniya novogo tipa rozhdaemosti [Early stages of new type of birth rate formation]. *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i SSSR* [Nuptiality, birthrate, death rate in Russia and the USSR]. Moscow, Statistika Publ., 1977, pp. 105—134. (In Russ.)
2. *Informaciya N.U. Basargina, pos. Kavalerovo Kavalerovskogo r-na Primorskogo kraja. Polevye materialy avtora* [N.U. Basargin's information, Kavalerovo, Kavalerovsky District of Primorsky Region. The author's field data]. (In Russ., unpublished).
3. *Informaciya A.E. Grigor'evoy, pos. Kavalerovo Kavalerovskogo r-na Primorskogo kraja. Polevye materialy avtora* [A.E. Grigor'yeva's information, Kavalerovo, Kavalerovsky District of Primorsky Region. The author's field data]. (In Russ., unpublished).
4. *Informaciya F.S. Malahova, pos. Kavalerovo Kavalerovskogo r-na Primorskogo kraja. Polevye materialy avtora* [F.S. Malakhov's information, Kavalerovo, Kavalerovsky District of Primorsky Region. The author's field data]. (In Russ., unpublished).
5. *Informaciya P.G. Martyusheva, g. Vladivostok; prozhivaet v shtate Oregon, SSHA. Polevye materialy avtora* [P.G. Martyushev, Vladivostok; lives in Oregon, USA. The author's field data]. (In Russ., unpublished).
6. *Informaciya A.D. Procenko, pos. Kavalerovo Kavalerovskogo r-na Primorskogo kraja. Polevye materialy avtora* [A.D. Protsenko, Kavalerovo, Kavalerovsky District of Primorsky Region. The author's field data]. (In Russ., unpublished).
7. *Informaciya A.M. Sorokinoy, pos. Gornorechensk Kavalerovskogo r-na Primorskogo kraja. Polevye materialy avtora* [A.M. Sorokina, Gornorechensk, Kavalerovsky District of Primorsky Region. The author's field data]. (In Russ., unpublished).
8. *Informaciya A.P. Sotnikovoy, pos. Kavalerovo Kavalerovskogo r-na Primorskogo kraja. Polevye materialy avtora* [A.P. Sotnikova, Kavalerovo, Kavalerovsky District of Primorsky Region. The author's field data]. (In Russ., unpublished).
9. *Informaciya E.S. Yurenok, pos. Nizhnie Luzhki Chuguevskogo r-na Primorskogo kraja. Polevye materialy avtora* [E.S. Yurenok, Nizhnie Luzhki, Chuguevsky District of Primorsky Region. The author's field data]. (In Russ., unpublished).
10. Lobanov V.F. "Nezakonnye" braki u staroobryadcev Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.) ["Illegal" marriages among the old Believers of the Far East (the second half of the 19th century — the beginning of the 20th century)]. *Sem'ya i semejnyj byt v vostochnykh regionah Rossii* [Family and family life in the East regions of Russia]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 1997, pp. 62—71. (In Russ.)
11. Mironov B.N. Tradicionnoe demograficheskoe povedenie krest'yan v XIX — nachale XX v. [Traditional demographic behavior of peasants in the 19th century — the beginning of the 20th century]. *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i SSSR* [Nuptiality, birthrate, death rate in Russia and the USSR]. Moscow, Statistika Publ., 1977, pp. 83—104. (In Russ.)